

В. Корсак

У красных

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Корсак**
У красных / В. Корсак – М.: Книга по Требованию, 2017. – 162 с.

ISBN 978-5-519-19690-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1930 года.

ISBN 978-5-519-19690-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Точно, Марія Дмитріевна, тутъ самъ чортъ копыта поломаеъ. Делегаты съ нашего поѣзда у нѣмцевъ были — «пропустите, пожалуйста». А нѣмцы — «да, хоть сейчасъ, ѣзжайте, у насъ для васъ препятствій нѣтъ». Кинулись мы къ русскому комиссару. Тотъ ногами затопаль, руками замахаль — «нѣмцы не пускаютъ». Вотъ и пойми тутъ.

Онъ свернулъ собачью ножку и закурилъ.

— А у нашихъ сосѣдей дочка умерла. Мать хоронить не позволяетъ. То плачетъ, то смѣется. Видно тутъ не въ порядкѣ, — и мужчина покрутилъ пальцами у лба.

— Товарищъ, — обратилась женщина къ медленно шедшему желѣзно-дорожнику, — когда вы насъ пропустите?

— Не до васъ теперь, гражданинка. Сейчасъ мы золото въ Германію возимъ и драгоцѣнности, что Богъ комиссарамъ послаль. Такъ-же и хлѣбъ въ подарокъ германскому пролетаріату посылаемъ. Паровозовъ и не хватаетъ.

Я прошелъ дальше. Недоконченный баракъ весь былъ заваленъ внутри экскрементами. Грязь и зловоніе особенно поражали послѣ нѣмецкой чистоплотности и аккуратности.

Въ товарномъ вагонѣ, на вѣнскомъ стулѣ сидѣла молодая, худая женщина съ безпокойными темными глазами. Она держала на рукахъ подушку и покачивая ее, пѣла вполголоса:

Седи котку на плотку
И мруга.
Піосенка та крутка
Не длуга.

Около полудня мы двинулись.

На остановкахъ плѣнные сходили и знакомились съ тѣмъ, что было новаго.

А новаго было много. Во-первыхъ, цѣны. По сравненію съ прежними они увеличились въ 200-400 разъ.

Плѣнные солдаты, среди которыхъ было не мало сочувствующихъ большевикамъ, слыша, что фунтъ хлѣба стоитъ 15 рублей, селедка — пять, коробка спичекъ — три, только качали головами. Ихъ мечты — поѣсть каши, картофеля, хлѣба, сала — разсѣивались, по мѣрѣ того, какъ они знакомились съ новыми цѣнами.

Жалко было на нихъ смотрѣть. Они видѣли, что въ Россіи ихъ самихъ и ихъ бывшихъ офицеровъ встрѣчаютъ, прежде всего, голодъ и равнодушіе. Толпа, бродившая по вокзаламъ, ругалась, щелкала сѣмячки, но на плѣнныхъ не обращала никакого вниманія. А тѣ, думавшіе ужаснуть міръ разсказами о своихъ страданіяхъ, не находили слушателей.

На одной изъ станцій стоялъ пустой истерзанный пассажирскій поѣздъ. Я подошелъ посмотреть, какъ отразились событія на неодушевленныхъ предметахъ.

Стоявшій посрединѣ пульмановскій вагонъ перваго класса весь былъ покрытъ надписями, сдѣланными мѣломъ. Одна изъ нихъ, написанная буквами побольше, говорила, что это — штабъ Московской боевой дружины, не помню ужъ, какого района; другія — помельче указывали на помѣщенія товарища командира, начальника штаба, канцеляріи.

Я рѣшилъ рискнуть — зайти внутрь и посмотреть, что тамъ дѣлается. Двери были открыты, я вошелъ въ корридоръ. На полу — масса порванныхъ, замасленныхъ бумагъ; полуразбитая бутылка изъ подъ коньяку «Мартель», грязныя портянки и около нихъ — дорогой, полуразорванный шелковый женскій шарфъ. Я повѣсилъ его на окно. Отъ тонкой, нѣжной матеріи еще

шелъ запахъ духовъ. Открылъ первое купэ; на полу осколки стекла, корки хлѣба, шелуха отъ картофеля; на столикѣ бумажка съ солью, сморщенный соленый огурецъ; обивка съ одного дивана была полусодрана; на другомъ — валялась селедочная головка и рыбы кости; тутъ же пузырекъ изъ-подъ кокаина. Воздухъ — смѣсь махорки, селедки, невытыхъ ногъ. Въ сосѣднемъ купэ стопкой лежали газеты. Я взялъ часть и вышелъ.

Придя къ себѣ, я началъ разбираться въ печатномъ матеріалѣ. Ничего особеннаго: обыкновенныя, революціонно-истерическія словоизверженія. Въ концѣ одного воззванія я насчиталъ семь «да здравствуетъ».

Должны были здравствовать вождь пролетаріата Ленинъ, совѣтъ народныхъ комиссаровъ, міровая революція, диктатура пролетаріата, боевая дружина и т. д. и т. п. Послѣднимъ здравица поминала товарища командира боевой дружины Московскаго района имярекъ. Каждая здравица сопровождалась тремя восклицательными знаками впереди и тремя — позади. Знаки походили на частоколь изъ дубинокъ и, какъ будто, грозили тѣмъ, кто не сталъ бы здравствовать. Часто между восклицательными путались и вопросительные знаки.

Солдаты, ѣхавшіе со мной въ вагонъ, сначала набросились на газеты, но скоро разочаровались.

— Этимъ сытъ не будешь...

Въ Смоленскъ мы прибыли подъ вечеръ. Ближайшій поѣздъ въ Москву отходилъ почти черезъ сутки. Всѣ москвичи, въ томъ числѣ и я, рѣшили переночевать въ санитарномъ поѣздѣ, такъ какъ онъ, въ ожиданіи продуктовъ, оставался на станціи до вечера слѣдующаго дня.

Насъ поставили на запасный путь, покормили макаронами, и мы улеглись. Всю ночь была слышна стрѣль-

ба — стрѣляли отъ скуки и для собственной бодрости желѣзнодорожные милиціонеры.

Это показалось намъ дикимъ — мы всѣ были воспитаны въ уваженіи къ патронамъ и въ страхѣ отвѣтственности за ихъ безцѣльную трату.

Утромъ воды въ вагонахъ не оказалось; докторъ сообщилъ, что санитары отказались носить воду въ вагоны, за исключеніемъ вагона операционной и вагона съ лежащими больными.

— Господинъ докторъ, — сказалъ бѣлый, распухшій солдатъ, — если лежачихъ у насъ нѣтъ, то и ходячихъ мало наберется.

— Что я могу подѣлать? — докторъ пожалъ плечами и ушелъ.

Всѣ, кто могъ выйти, пошли отыскивать водопроводъ, чтобы самимъ умыться и принести воды тѣмъ, кто не могъ ходить. А такихъ было не мало.

Бствъ намъ въ поѣздѣ не дали: Смоленскъ значился питательнымъ пунктомъ; мы должны были получить пищу оттуда. Въ полдень насъ позвали на обѣдъ.

Отправились на питательный пунктъ.

— Смотрите, Максимъ Горькій, — шепнулъ мой сосѣдъ, когда мы разсаживались за столами на громадной деревянной платформѣ.

Я взглянулъ. Около небольшого амбарчика ходилъ красногвардеецъ. На немъ былъ сѣрый пиджакъ, штаны на выпускъ, кепка на затылкѣ. Въ рукахъ онъ неумѣло держалъ винтовку. Его невыразительное, мѣщански-тупое, писарского типа лицо дѣйствительно чѣмъ-то напоминало знаменитаго русскаго писателя. Обходя вокругъ амбарчика, красногвардеецъ что-то мурлыкалъ. Я прислушался.

«Въ тиши ночной,
Въ тиши глубокой,
Качался филинъ совоокай».

Намъ сначала дали по куску хлѣба. Хлѣбъ былъ черный, какъ деготь, и съ остреями овса и ячменя. Кое-кто началъ жевать его; потомъ выплюнули осторожно въ руку и бросили. Затѣмъ передъ каждымъ поставили по мисочкѣ съ горячей водой. Вода была мутная, плавало немного какой-то шелухи. У себя я нашелъ три гречневые крупинки и я былъ изъ самыхъ счастливыхъ. Нѣкоторые попили воды, но большинство къ хлѣбу и «кашѣ» не притронулось.

Что чувствовали при этомъ вернушіеся изъ плѣна солдаты — я не могу сказать. Но я не рѣшался взглянуть въ ихъ сторону, чтобы не встрѣтить взгляда крайняго отчаянія.

Слѣдующимъ номеромъ было посѣщеніе агитаціоннаго пункта, куда насъ пригласили сейчасъ-же послѣ обѣда. Агитаціонный пунктъ находился въ томъ зданіи, гдѣ при старомъ режимѣ помѣщался собственно питательный пунктъ.

Но послѣ революціи изъ этого зданія рѣшили отпустить не тѣлесную пищу, а духовно-революціонную. Въ громадной столовой стояло множество прекрасныхъ никкелированныхъ кубовъ для полученія кипятку; теперь они всѣ были покрыты темнымъ налетомъ; раскрытыя кухни представляли мерзость запустѣнія. Въ комнатахъ, гдѣ жилъ раньше служебный персоналъ, помѣщались агитаторы.

Одинъ изъ нихъ вышелъ насъ поучать. Это былъ студентъ въ форменномъ пальто; вмѣсто оборванныхъ пуговицъ виднѣлись англійскія булавки. Голова была всклокочена, одна щека — ярко красная: агитаторъ ви-

димо только что проснулся. Чтобы откинуть волосы, упорно лѣзшіе въ глаза, студентъ все время трясъ головой.

Десятка два солдатъ окружили его.

— Товарищи, вы находитесь сейчасъ въ самой свободной странѣ. Земля принадлежитъ крестьянамъ, фабрики и заводы — рабочимъ. Теперь никто не въ состояніи вырвать у васъ вашъ кусокъ хлѣба. Вы сами станете ѣсть его. Вы не станете помирать отъ голода, какъ помирали отъ царскаго режима. Долой паразитовъ! Да здравствуетъ вождь пролетаріата Ленинъ!..

На этомъ рѣчь кончилась. Солдаты стояли, уныло повѣсивъ головы. Они походили скорѣе на обвиняемыхъ, чѣмъ на жителей самой свободной страны. Всѣ разошлись въ гробовомъ молчаніи.

Послѣ митинга, ѣхавшіе въ Москву сгрузили съ поѣзда вещи и отнесли ихъ на вокзалъ. Такъ какъ времени было много, я пошелъ погулять. Около депо, вдоль путей, чуть не на версту, тянулась площадка. Она была завалена грузовыми, лазаретными и легковыми автомобилями. Это были дорогія, англійскія машины, гнившія и ржавѣвшія на открытомъ воздухѣ, безъ всякаго присмотра.

На обратномъ пути, на площади, передъ вокзаломъ, мнѣ повстрѣчался господинъ въ дорогомъ костюмѣ, съ уютнымъ брюшкомъ, съ очень жизнерадостными глазками и золотой цѣпочкой на бархатномъ жилетѣ. Онъ былъ окруженъ красногвардейцами.

— Кто это? — справился я у пожилого человѣка въ поддевкѣ.

— Комиссаръ.

По указанію комиссара, красногвардейцы бросались на прохожихъ и приводили ихъ къ нему. У схваченныхъ отбирали золотыя и серебряныя вещи. На мо-

ихъ глазахъ привели высокую дѣвушку съ тонкими бровями и темными, какъ фіалки, глазами.

Свои аметистовыя сережки она отказалась снять. По знаку комиссара одинъ красногвардеецъ бросился къ дѣвушкѣ и выдернулъ серьги, порвавъ мочку ушей. Показалась кровь.

Толпа тихо ахнула.

— Что такое? — спросилъ я у чловѣка съ судейскими пуговицами.

— Золото реквизируютъ, чтобы Германіи заплатить. Изъ Москвы присланъ.

Дѣвушку арестовали. Она стояла, прижавъ къ уху носовой платокъ.

Я осмотрѣлся. Ни звука, ни движенія протеста. Подавленный, я удалился отъ смоленскаго Шейлока.

Я пошелъ на вокзалъ; тамъ уже меня ждали попутчики.

Распредѣлили роли — одни отправились получать разрѣшенія на право вѣзда въ Москву, другіе пошли за билетами. Меня оставили стеречь вещи. Я сидѣлъ за большимъ столомъ въ залѣ перваго класса и, отъ нечего дѣлать смотрѣлъ, какъ громадный мужчина пилъ чай съ малюсенькимъ кусочкомъ сахару.

Кругомъ двигалась толпа; много было вооруженныхъ людей: винтовки, шашки, револьверы, бомбы.

Залы перваго класса нельзя было узнать; не было ни скатертей, ни приборовъ; все было голо, грязно, пыльно.

Вернулись попутчики съ разрѣшеніями и билетами.

Пассажировъ въ Москву собралась масса; когда подали поѣздъ, вся толпа хлынула въ вагоны; безъ церемоніи работали локтями, давили, толкали, роняли на ноги мѣшки съ картофелемъ. Стоявшій по срединѣ поѣзда вагонъ втораго класса охранялся милиціонера-

ми; они никого не пускали, даже лицъ имѣвшихъ билеты второго класса. Второкласники подняли шумъ. Прибѣжалъ кондукторъ и объяснилъ, что этотъ вагонъ предназначенъ для представителей Смоленскаго Совдепа, отправляющихся въ Москву; ему данъ строгій приказъ не открывать вагоны до ихъ прибытія.

— Да сколько же ихъ всего?

— Два человѣка — совдепщикъ самый и жена евоная.

За вокзаломъ загудѣлъ автомобиль и остановился у подъѣзда.

На платформу вышелъ тощій, рыжій, веснушчатый человѣкъ съ безпокойнымъ взглядомъ. Рядомъ съ нимъ подъ руку шла старая, толстая, колыхавшаяся отъ жиру женщина. Впереди и сзади этой пары шли молодые, вооруженные бомбами, кортиками, револьверами люди. Они несли массу чемодановъ, саквояжей, портпледовъ, кульковъ, деревянныхъ картонокъ. Бросился въ глаза прекрасный чемоданъ въ полотняномъ чехлѣ съ никкелированнымъ замкомъ. Въ углу, на чехлѣ, надъ буквой Б, стояла графская корона.

Въ публикѣ зашептались.

— Видно, большевикомъ-то быть еще выгоднѣе, чѣмъ публичный домъ держать.

— Не захотѣла сводничать, женой бандыря стала.

— О, Господи, Господи, кого теперь приходится дожидаться...

Когда совдепщикъ и его супруга были устроены, въ вагонъ стали пропускать и другихъ пассажировъ.

У меня былъ билетъ третьяго класса. Но, такъ какъ протолкаться туда не было никакой возможности, я рѣшилъ поѣхать во второмъ. Оставить — хорошо, нѣтъ, — подниму шумъ; въ крайнемъ случаѣ, возьму доплату.

Въ общемъ, пассажировъ набилось множество. Поѣздъ тронулся.

Напротивъ меня сидѣла молодая дѣвушка. По-немногу мы разговорились. Она везла роднымъ хлѣбъ, молоко, масло, сало, муку, — словомъ то, что можно было достать въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ.

Въ Москвѣ сильно ощущался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, и москвичи, въ поискахъ пропитанія, должны были пускаться въ довольно далекія путешествія.

— Боюсь, чтобы и этого не отняли. Теперь, во время дороги часто обыскиваютъ пассажировъ. Что найдутъ, все забираютъ, только немного хлѣба оставляютъ.

Прошелъ контроль. Кондукторъ посмотрѣлъ на билетъ, потомъ на меня.

— Изъ плѣна?

— Изъ плѣна.

И онъ ушелъ, ничего не сказавъ.

Подъ вечеръ, прибывъ на какую-то маленькую станцію, мы долго не трогались съ мѣста. Пассажиры стали нервничать. Многіе вышли узнать въ чемъ дѣло. Вышла и моя собесѣдница.

— Поѣздъ дипломатическій ограбили. Каждый день въ Германію золото и драгоценности отправляютъ. Узнали объ этомъ и поперекъ рельсъ нѣсколько шпалъ положили. Поѣздъ остановился. Тогда его обстрѣляли, бросили нѣсколько бомбъ, большевиковъ, которые были, убили; а золото и цѣнности разграбили.

Больше всего забеспокоился членъ Смоленскаго совдепа, занимавшій отдѣленіе рядомъ. Онъ выходилъ, возвращался, тихо что-то говорилъ своей супругѣ. Потомъ явились вооруженные люди, забрали ихъ чемоданы, и часа черезъ два поѣздъ наконецъ тронулся.

Ночь прошла благополучно. Рано утромъ нашъ вагонъ пришелъ въ движеніе — сѣла чека осмотрѣть пассажирскія вещи. Моя собесѣдница заволновалась.

— Отнимутъ у меня, все отнимутъ.

— Не беспокойтесь, барышня, — спокойно замѣтилъ степенный старикъ въ поддевкѣ и сербрыхъ очкахъ, — дайте часть мнѣ, а часть вотъ господину изъ плѣна.

Такъ мы и сдѣлали. Около старика очутилась корзина съ мукѣй и молокомъ, а у меня — мѣшокъ съ хлѣбомъ. Остальные пассажиры тоже перетасовали свои вещи.

Затѣмъ въ отдѣленіе вошло четыре человѣка въ защитныхъ костюмахъ. Двое стало у дверей.

— Ваши бумаги и вещи, товарищи!

Обыскъ длился долго. Рылись въ чемоданахъ, въ корзинахъ, въ мѣшкахъ. Публика враждебно молчала. У старика хотѣли забрать три четверти съ молокомъ, принадлежавшія моей сосѣдкѣ.

— Негоже вы сдѣлаете, коли такъ, — сказалъ онъ, — у меня двое малыхъ внучатъ, они въ молокѣ большую надобность имѣютъ.

Молока не тронули.

— Вашъ документъ, — и тонкая, бѣлая рука протянулась ко мнѣ.

Я подаль исторію болѣзни, написанную въ Германіи.

Тотъ, кто взялъ ее, пробѣжалъ нѣсколько строкъ и отдалъ обратно. Это былъ видимо старшій. У него было блѣдное лицо, тонкія черты; худоба его поразила меня. Остальные, по виду, были попроще.

Мѣшка съ хлѣбомъ у меня не тронули и у сосѣдки моей тоже ничего не взяли.

— Я его знаю, — сказала сосѣдка, — бывшій офи-